

УДК 81'373.42 +37
ББК 81

И.О. Зелинский

**СЕМАНТИКА ОПОРНЫХ
СЛОВ ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ
В ДВУЯЗЫЧНОЙ
ПРОЗЕ В. НАБОКОВА:
МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ
И МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
АСПЕКТЫ**

Статья посвящена описанию специфики семантики опорных слов в изъяснительных сложноподчиненных предложениях, представленных в двуязычной прозе В. Набокова. Раскрывается ее лингвокультурологический аспект, подчеркивается роль менталитета носителей языка, в частности преобладание в английском менталитете стремления к активному действию и тенденция к снижению персонализации, активности действия в русском менталитете, обуславливающая использование в качестве опорных слов безличных глаголов. Раскрывается также влияние на характер перевода языковых особенностей исходного англоязычного текста.

Ключевые слова: персонализация, межъязыковой, статичность, авторитарность, менталитет, культурно мотивированный, модус.

Зелинский Игорь Олегович – аспирант кафедры русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8-916-122-90-63
E-mail: Ogneva@zsrso.ru

© Зелинский И.О., 2012.

Довольно давно известно, как В. Набоков характеризовал свой культурный опыт: «Я американский писатель, рожденный в России, получивший образование в Англии, где я изучал французскую литературу перед тем, как на пятнадцать лет переселиться в Германию» [Nabokov, p. 9]. Такая причудливая картина пересечения языков и традиций не могла не наложить отпечаток на художественное творчество автора. Более того, можно отметить, что все перечисленные выше культуры в некотором смысле оппозиционны, т.е. имеют в своем составе компоненты, вступающие в конфликт. К примеру, в США давно существует тенденция, которую можно описать формулой «*лишь бы не так, как у англичан*», что в свое время едва не повлияло на принятие немецкого языка в качестве государственного. Помимо этого, парами, обладающими заметной противопоставленностью, будут Франция – Германия, Англия – Франция, Германия – США, пожалуй, в несколько меньшей степени Германия – Англия. Все эти разногласия довольно прозрачны, видны и вполне объяснимы с исторической точки зрения (прежде всего), либо какой-либо другой (к примеру, климатической, как, вероятно, в парах Франция / США – Германия). Россия, которую В. Набоков также упомянул, способна, на наш взгляд, как минимум в силу своего разнообразия, территориального и этнического, обнаруживать культурные компоненты оппозиционного характера с любой из обозначенных культур.

Тем не менее это не помешало писателю соединить и слить в единое, хотя и достаточно пестрое, мировоззренческое пространство все эти элементы. Более того, Владимир Набоков – довольно редкое явление – двуязычный писатель, творивший на русском и английском языках, причем, в обоих ипостасях весьма успешно. Здесь ему пришлось столкнуться с действительно сложной проблемой: адаптацией собственного стиля, сложившегося в условиях русского языка, к тому, что мог предложить английский. Сам писатель с сожалением замечал по поводу результата: «...*Мой английский – всего лишь эхо моего русского*» [Набоков, 1991, с. 7].

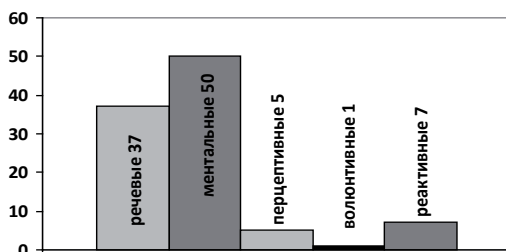
Исследования, проводившиеся в рамках *культурологической лингвистики*, свидетельствуют о том, что ключевые для организации языка культурно обусловленные параметры сводятся к набору из нескольких бинарных оппозиций. К таковым причисляют *низкоконтекстуальность – высококонтекстуальность, индивидуальность – коллективность, контролируемость жизни – фатализм, неограниченность времени – его ограниченность, демократичность – авторитаризм, сдержанность – эмоциональность* и некоторые другие. Признанный авторитет в этой области, А. Вежбицкая, отмечает, к примеру, ограниченность числа глаголов эмоционального состояния в английском и добавляет: «*Думаю, что это не "случайно", а отражает важную особенность англосаксонской культуры – культуры, которая обычно смотрит на поведение, без особого одобрения оцениваемое как "эмоциональное", с подозрением и смущением*» [Вежбицкая, с. 41].

В данной ситуации очевидно, какой объем работы пришлось выполнить писателю для перевода с одного языка на другой. Сам Набоков описывал это таким образом: «*Переселение из роскошного русского дворца в тесную квартирку моего английского напоминало переход от одного темного здания к другому – в беззвездную ночь, во время забастовки факельщиков и изготовителей свечей*» [Набоков, 1991, с. 9]. Однако двуязычие писателя характеризуется не только такого рода «переселением», но и фактом (почти уникальным) параллельного творчества на обоих языках: два произведения В. Набокова были написаны на английском и впоследствии переведены автором на русский. Это, каждый по-своему, знаковые для поэтики и литературной судьбы писателя, тексты «Лолиты» и «Других берегов» (в английском оригинале – «Conclusive Evidence», либо гораздо более распространенная конечная редакция того же текста под заголовком «Speak, Memory»). Пройдя путь перехода от русского к английскому, а затем переложения этих двух текстов на русский язык, писатель замкнул круг межъязыковых влияний, в структуру – *русский язык → английский язык → русский язык*.

При рассмотрении изъяснительных сложноподчиненных предложений исследователю приходится всегда помнить об их категориальной функции – персонализированного *выражения*, или, в иноязычной терминологии, *экспрессии*. Из этого можно сделать закономерный вывод о том, что чем важнее роль персонализированного выражения в системе художественного текста, тем принципиальнее положение изъяснитель-

ных конструкций по отношению к другим, тем сложнее их структура и семантика. В паре произведений, упомянутых выше, таким текстом будет исповедальная «Лолита». Именно на ее материале попробуем проследить, как функционируют опорные слова в аспекте межкультурных и межъязыковых влияний, а также на фоне специфически экспрессивной природы повествования.

Осуществив статистическую выборку в 100 единиц, мы имеем возможность дифференцировать опорные слова на семантическом основании. На наш взгляд, разумным и продуктивным представляется использовать 5 видов опорных слов по классификации модусных рамок Г.А. Золотовой и соавт. [Золотова, Онипенко, Сидорова, с. 279]. Такой подход позволяет увидеть, с одной стороны, достаточно подробную, с другой – вполне обобщенную статистическую картину выбора опорных слов в русскоязычном варианте «Лолиты». Полученные результаты можно представить в виде следующей диаграммы (см. рисунок).

Частотность опорных слов изъяснительных ССП в "Лолите" по категориям

Далее, дифференцируя полученные результаты относительно факторов, оказывающих влияние на выбор опорного слова, мы приходим к следующему списку:

1. Задачи повествования, включая фактор его общей экспрессивной природы.

2. Межкультурные факторы.

3. Межъязыковые факторы.

На наш взгляд, существенное доминирование опорных слов ментального характера предопределено спецификой текста «Лолиты», а именно тем, что повествователь принципиально *интровертен* и предстает перед читателем через свои дневниковые записи. Собственный перегруженный аномальными страстями внутренний мир интересует главного героя в первую очередь. Вот несколько типичных примеров изъяснительных конструкций такого рода:

1. «*Меня угнетала мысль, что ее может уже не оказаться там или что найду вместо беспечной Лолиты испуганную сиротку, требующую с плачем присутствия каких-то близких друзей семьи*» («Лолита», с. 138).

Примечательно, что оригинальный англоязычный вариант довольно сильно отличается от своего русскоязычного собрата: в русском варианте опорное слово – существительное.

«*I could not bear to think I might not find Lolita there – or find, instead, another, scared, Lolita clamoring for some family friend: not the Farloes, thank God – she hardly knew them – but might there not be other people I had not reckoned with?*»

В английском – опорным словом является глагол.

2. «Особенно зlostным мне казалось то, что она совершенно зря, но с громадным прилежанием, ответила на дурацкие вопросы в имевшейся у нее книге (“Знай своего ребенка”), изданной в Чикаго» («Лолита», с. 106).

Опорное слово в англоязычном варианте, также, как и все предложение, передано достаточно сходным образом:

«*What I thought especially vicious was that she had gone out of her way to answer with great diligence the questionnaires in a fool’s book she had (A guide to Your Child’s Development), published in Chicago*».

Даже ограниченный материал этих двух примеров позволяет нам подойти к проблеме влияния межкультурного и межъязыкового факторов на опорные слова в русскоязычных изъяснительных СПП. Однако сначала попробуем уточнить, какие из этих факторов повлияли на семантическое распределение, обозначенное в диаграмме выше. Наравне со множественными опорными единицами ментального значения, казалось бы логичным предположить в экспрессивном повествовании драматической любви и страстях, наличие большого количества слов с семантической «реактивной» категорией. Тем не менее, их объем в 7 раз меньше. На наш взгляд, такая ситуация может быть отнесена на счет влияния английского языка и культуры с их уже упомянутым недоверием к эмоциональности.

Другим общим наблюдением над статистикой опорных слов в плоскости культурологической лингвистики может быть ограниченное количество единиц волюнтивной семантики. Довольно хорошо известна расположенность русского языка к модальным глаголам (одного из основных носителей волеизъявления волюнтивных модусных рамок) на фоне их очень осторожного использования в английском. Исследователи считают типичным следующее суждение носителя языка по поводу употребления английского русскоговорящими, которое ярко характеризует ситуацию: «*Their language is more expressive, more ‘committed’ and “should” and “must” are more used*» (Их язык более экспрессивный, более «нарочитый» и «*should*» (следует) и «*must*» (должен) используются чаще) [Елизарова, с. 321]. Данное расхождение относят к различным интерпретациям категории *власти* в русскоязычной и англоязычной культурах. Если для первой свойственно внимание к подчеркиванию властных атрибутов, то во второй имеется стремление к их всемерному завуалированию (ср. «начальственные кабинеты» в России и открытые офисы в США). Таким образом, представляется допустимым предположить, что малый объем опорных слов волеизъявительного значения в тексте «Лолиты» (1%) – также следствие влияния англоязычной культуры и речевого этикета.

Переходя к собственно межъязыковому аспекту и, конкретно, — материалу, предоставляемому двумя примерами, рассмотренными выше, мы можем отметить принадлежность опорных слов в вариантах образца 1 к разным частям речи. Точнее говоря, в русскоязычном варианте этот элемент выражен существительным «мысль», а в англоязычном — инфинитивной формой глагола: «to think» («думать»). Закономерно предположить, что такое разграничение является следствием общей тенденции английского языка к более активной репрезентации действий, что связывают с контролируемым пониманием действительности в культуре в противовес русскому фатализму. Как замечает А. Вежбицкая, «...в английской грамматике имеется большое число конструкций, где каузация позитивно связана с человеческой волей» [Вежбицкая, с. 71]. К тому же вопросу принадлежит эквивалентность таких частотных оборотов, как «мне нравится», «мне кажется» (деперсонализированных дативных) активным английским «I like», «I find» (дословно — «я люблю», «я нахожу») и так далее. Данная тенденция, последовательно прослеживается в изъяснительных конструкциях, что подтверждается другими образцами текста, к примеру:

«Она писала пейзажи и портреты — живо помню, как за рюмкой коктейля мне случилось похвалить сделанный ею портрет маленькой племянницы, Розалины Грац, грациозной, розовой красотики в гэрл-скаутской форме (берет из зеленой шерсти, зеленый вязаный пояс, прелестные кудри до плеч), и Джон вынул изо рта трубку и сказал, как жаль, что Долли (моя Доллита) и Розалина так неприязненно относятся друг к дружке в школе; впрочем, он выразил надежду, и мы все поддакнули, что они лучше сойдутся, когда вернутся, каждая из своего летнего лагеря» («Лолита», с. 104).

Сравним с английским оригиналом:

«She painted — landscapes and portraits — and vividly do I remember praising, over cocktails, the picture she had made of a niece of hers, little Rosaline Honeck, a rosy honey in a Girl Scout uniform, beret of green worsted, belt of green webbing, charming shoulder-long curls — and John removed his pipe and said it was a pity Dolly (my Dolita) and Rosaline were so critical of each other at school, but he hoped, and we all hoped, they would get on better when they returned from their respective camps.»

Статичный русскоязычный оборот с существительным «он выразил надежду» соответствует более прямому и активному, использующему глагол, английскому «he hoped» («он надеялся»).

Тенденция к снижению персонализации (в речи) и отстранению от личной ответственности (в культуре), которую мы отмечали выше в простых предложениях, распространяется также на опорные слова модусных предикатов:

«Мне всегда думалось, что ломание рук — жест вымышленный или, может быть, смутный отклик какого-нибудь средневекового ритуала; но когда я теперь углубился в лес, чтобы предаться отчаянию и страшным размышлениям, именно этот жест (“Погляди, Боже, на эти цепи!”) лучшее всего мог бы выразить без слов мое настроение» («Лолита», с. 109).

«I had always thought that wringing one's hands was a fictional gesture — the obscure outcome, perhaps, of some medieval ritual; but as I took to the woods,

for a spell of despair and desperate meditation, this was the gesture ("look, Lord, at these chains!") that would have come nearest to the mute expression of my mood.»

В приведенном примере русскому безличному дативному «*мне всегда да думалось*» соответствует английское номинативное «*I had always thought*» (дословно – «я всегда думал»), что также отражает различие по линии «пассивность – активность» в двух языках.

Исходя из проведенного анализа, можно заключить, что влияние межкультурных и межъязыковых факторов на **выбор** опорных слов в изъяснительных СПП двуязычной «Лолиты» представляет собой сложную картину с разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, в русскоязычном варианте можно отметить два культурно мотивированных факта семантической дифференциации опорных единиц:

1) малочисленность слов эмоционально-оценочной категории, несмотря на контекстуальную обусловленность сюжетом, системой персонажей и пр.;

2) малочисленность слов волеизъявительной категории. Первый момент соответствует выделяемой в культурологической лингвистике парадигме *эмоциональность – рациональность* и тем позициям, которые занимают по отношению к ней русскоязычная и англоязычная традиция. Второй отражает аспект понимания власти и индивидуальной свободы, который можно представить в виде оппозиции *авторитарность – демократичность*. В этом, на наш взгляд, проявляется влияние условностей исходного англоязычного текста, нашедших выход и в переводе. С другой стороны, – можно отметить *незначительность* подобного влияния в аспекте конкретности выбора опорных слов. Это свидетельствует о высокой осведомленности писателя – как лингвистической, так и культурологической. Помимо этого, в автобиографических «Других берегах» писатель отмечал свое стремление избежать большого влияния иной культуры на дорогое ему чувство родины: «*Настоящая история моего пребывания в английском университете есть история моих потуг удержать Россию*» («Другие берега», с. 92). Таким образом при выборе, а затем переводе опорных слов, сошлись в единое целое возможности писателя и его желания, результатом чего стала их передача в соответствии с закономерностями каждого языка и менталитетом народа.

Литература

- Вежбицкая А.* Язык, культура и познание. М., 1997.
Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. СПб., 2005.
Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
Набоков В. Интервью разных лет. М., 1991.
Набоков В.В. Лолита. СПб., 2008.
Набоков В.В. Другие берега. СПб., 2009.
Nabokov V. Lolita. L., 1997.